

Пушкин переживает сильнейший внутренний кризис, в нем происходит процесс основательной переоценки всех ценностей. Это одинаково относится и к политике, и к литературе. В литературе у Пушкина это сказывается и в обращении его к медитативно-философским жанрам, и в заново пробудившемся и устойчивом интересе к поэтическому наследству Державина. Очевидно, что и у Пушкина, как это было у Любомудров, одно находится в тесной связи с другим.

Требование поэзии мысли, которое так настойчиво звучало в кружке Любомудров и которое вообще было характерно для последекабрьской эпохи, не могли пройти и мимо Пушкина. Оно не могло пройти мимо хотя бы потому, что поиски Любомудров в области философской поэзии носили в основе своей не частный, а общий характер. В них было знамение времени, они отражали самые насущные духовные потребности. Ведь осознание необходимости поэзии мысли ближайшим образом было связано с общим кризисом культуры, с мучительными поисками выхода, с осознанием возможности — может быть, в то время единственной достойной независимого ума — уйти с поверхности в глубину, начать работу исследования, углубленную работу мысли. Все это не могло быть для Пушкина безразличным и, естественно, должно было отразиться на характере его творческих исканий. В том числе исканий жанровых и стилистических, которые и заставили его обратиться к Державину.

До середины 20-х годов отношение Пушкина к Державину было неровным и противоречивым. Как писал Д. Д. Благой, «поэзия Державина скорее не удовлетворяла, чем «удовлетворяла» Пушкина.¹⁷ Иногда он восторгался ею, чаще относился к ней более чем холодно. В стихотворении 1814 г. «К другу стихотворцу» Пушкин причисляет Державина наряду с Ломоносовым и Дмитриевым к числу «бессмертных певцов». Но уже в следующем году в сатирическом стихотворении «Тень Фонвизина» Пушкин позволяет говорить о Державине не просто насмешливо, но и зло.

В послании «К Жуковскому» в 1816 г., в год смерти Державина, Пушкин пишет о нем, снова исполненный глубочайшего пиетета и уважения:

И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым гением и грацией венчаный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, неизвестное мной.

¹⁷ Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII в. В сб.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 113—114.